

На правах рукописи

ШПАК Георгий Владимирович

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗОВ ВРЕМЕНИ И
ПРОСТРАНСТВА
В ЕВРОПЕЙСКОМ ТРАВЕЛОГЕ
XVII–XVIII ВВ.**

Специальность 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва - 2018

Диссертация выполнена в отделе историко-теоретических исследований Института всеобщей истории Российской академии наук

Научный руководитель: **Репина Лорина Петровна**,
доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН

Официальные оппоненты: **Маловичко Сергей Иванович**, доктор исторических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой истории и гуманитарных наук ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет»

Соколов Андрей Борисович, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского»

Ведущая организация: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет (УрФУ) имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Защита состоится «_____» декабря 2018 г. в 12 часов на заседании диссертационного совета Д 002.249.01, созданного на базе Института всеобщей истории РАН, по адресу: 119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32а (ауд. 1406).

С диссертацией можно ознакомиться в научном кабинете Института всеобщей истории РАН, а также на сайте <http://www.igh.ru>

Автореферат разослан «_____» _____ 2018 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета:
к.и.н.

Н.Ф. Сокольская

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Образы пространства и времени являются основополагающими концептами восприятия реальности. В работе рассмотрены трансформации когнитивно-риторических и рецептивно-репрезентационных особенностей восприятия данных категорий в европейском сознании XVII – XVIII вв. на примере травелогов.

Актуальность темы исследования. Первый аспект актуальности касается переосмысления травелогов как особого типа источников, дающих нам возможность взглянуть на изучение истории культуры, истории идей и истории коммуникаций в новом методологическом русле. Вместе с тем можно констатировать отсутствие ясного представления о природе и границах травелога как жанра. Очевидна размытость терминологической базы и отсутствие четких исследовательских стратегий и компетенций при их изучении. В этих обстоятельствах выстраивание новых исследовательских и методологических перспектив анализа травелогов является одной из первостепенных задач.

Второй аспект актуальности относится к самому предмету исследования, а именно способам репрезентации пространства и времени в травелогах. Обе категории (время и пространство) являются базовыми для исторической науки и в последнее время, благодаря познавательным поворотам (особенно лингвистическому, прагматическому, перформативному и пространственному), стали особенно актуальны. В работе в новом ключе предстают вопросы, связанные с природой исторического времени и пространства и их местом в исследовательской практике историка и шире – в исследовательском процессе, в том числе на стадии репрезентации исторического материала; открывается их тесная связь со спецификой исторических объектов и их нахождением в определенной культурной и социальной ситуации.

Исследований, посвященных анализу травелога как текста, репрезентирующего пространство, практически не предпринималось, что позволяет констатировать как необходимость исследования этого поля, так и риск, связанный с отсутствием методологических наработок и устойчивых традиций изучения травелога. В связи с этим, третьим аспектом актуальности является необходимость выработки категорий, позволяющих структурировать материал, полученный в ходе исследования, то есть выстраивание методологических оснований для классификации стратегий репрезентации образов пространства и времени в травелоге.

Объект исследования: образы пространства и времени в европейских травелогах XVII – XVIII вв.

Под травелогом понимается вся совокупность текстов, описывающая передвижение героя, нацеленное на репрезентацию образов пространства и времени.

Предмет исследования: механизмы репрезентации образов пространства и времени в текстах путешественников

Цель и задачи исследования: основная цель исследования состояла в выявлении закономерностей воспроизведения моделей пространственно-временного восприятия и систематизация этих моделей на примере травелогов.

Трудность подхода заключалась в том, что оптика чаще всего имплицитна, и только тщательный анализ теоретических работ и авторских текстов дает представление об особенностях тех или иных аналитических матриц, используемых путешественником для описания пространства. В связи с этим необходимо было:

- выявить и рассмотреть историографические корни термина «травелог»;
- доказать уместность его использования в исследовании;
- определить, какие источники в полной мере соответствуют поставленной цели;
- выработать наиболее подходящие исследовательские инструменты для анализа образов пространства и времени в тексте.

В ходе решения первоначальных задач были выявлены основные направления дальнейшего исследования:

- выявление границ детерминирующих факторов создания травелога;
- фиксация особенностей письма в каждом отдельном случае с дальнейшей схематизацией и сведением всей массы источников к нескольким большим группам
- анализ моделей репрезентаций образов пространства и времени с последующим выявлением причин и особенностей трансформаций в каждой из выделенных групп.

Научная новизна исследования. Травелог как историографический феномен входит в исследовательский обиход в последней четверти XX в. Можно выделить два основных подхода к изучению травелога. Первый сосредоточен на изучении фактографической стороны текста. В зависимости от позиции исследователя вычлняются исторические, культурологические, географические, естественнонаучные аспекты приведенных в тексте описаний, при этом текст в целостном понимании остается вне области исследовательского интереса. Второй подход подразумевает изучение отдельной группы путешествий или текста отдельного путешественника. При таком подходе явление травелога не может быть раскрыто в достаточной мере, поскольку акцент делается на выявлении целей и задач авторов, а не на причинах транс-

формаций, повлиявших на возникновение жанра и развитие его особенностей. Недостатки первого подхода были преодолены путем смещения предмета исследования от внешних реалий, обуславливающих ангажированность исследователя, к тексту, эти реалии репрезентирующему. Это позволило сосредоточить внимание на феномене травелога как текста, что, в свою очередь, позволило включить в исследовательский корпус источники, ранее не подвергавшиеся сопоставительному анализу, в том числе не переведенные на русский язык и не используемые в историографической практике.

Нацеленность на анализ категорий пространства и времени потребовала привлечения широкой базы теоретических работ, связанных с рецепцией этих явлений участниками исторического процесса. Данный подход позволил установить зависимость между естественнонаучной парадигмой, авторскими задачами и стратегиями репрезентации образов пространства и времени в тексте, что, в свою очередь, не могло обойтись без разработки специальных инструментов, дающих возможность выявлять и идентифицировать различные формы травелога.

Историография проблемы. Вся литературу, привлекаемую при написании диссертации, условно можно разделить на несколько больших групп.

Прежде всего, следует отметить, что объект исследования, представленный в виде текста, потребовал обращения к наработкам в области исторической лингвистики¹. Данные работы позволили перейти на метаязык прочтения источника, поставить вопросы, касающиеся практик репрезентации образов пространства и времени в травелоге и стратегий описания, используемых конкретными авторами.

Теоретическое осмысление травелога сделало необходимым обращение к работам, посвященным изучению травелога как жанра. Отметим, что внимание исследователей сегодня привлекают такие аспекты анализа, как возникновение жанра травелога и его специфика, в том

---

¹ Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против» / Сб. статей под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова – М.: Прогресс, 1975; Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики – М.: Худож. лит., 1975.; Корчинский А. В. Форманты мысли. Литература и философский дискурс. – М.: Языки славянской культуры, 2015; Потапова Н. Д. Лингвистический поворот в историографии. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015; Прожилов А. В. Лингвоконцептология, неогумбольдтианство и этностереотипы // От лингвистики к мифу: лингвистическая культурология в поисках "этнической ментальности": сборник статей / сост. А. В. Павлова. – СПб.: Антология, 2013.

числе дифференциация внутри жанра²; познавательные возможности и особенности эволюции травелога³. На примере данных исследований стало возможным увидеть, какие приемы используют авторы при анализе травелогов и какие лакуны остались в изучении этого типа источников. Вопросы, оставшиеся не раскрытыми, позволили констатировать необходимость привлечения новых методологических оснований и техник.

Следует заметить, что интерес к изучению травелога проявляют как отечественные, так и зарубежные авторы. В 2000-х годах в Британии издаются работы, в которых травелог осмысливается как развивающаяся структура. Джон Демарей в 2006 году выпускает книгу «От паломничества к истории: ренессанс и глобальный историзм», в которой проводит связь между путешествиями и развитием исторического знания. В качестве примера также можно привести такие работы последних лет, как «The Cambridge Introduction to Travel Writing» Тима Янгса, в которой анализируются ключевые травелоги от эпохи средневековья вплоть до наших дней, и «Travel Writing. The New Critical Idiom» Карла Томпсона, в которой также осмысливается феномен травелога⁴. В перечисленных выше работах поставлены следующие проблемы: мотив гостя, внутреннее путешествие, травелог и постколониализм, гендер и сексуальность. Однако основные сюжетобразующие категории, такие как пространство и время, остаются в стороне.

Задача анализа пространства и времени как развивающихся ментальных конструктов потребовала привлечения работ из области философии,

---

² Балла О. Нефотографизмы: преодоление травелога // Homo Legens. 2013. №4; Бондарева А. Литература скитаний. // Октябрь. 2012. № 7; Майга А. А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура Выпуск № 3 (37) 2014; Никитина Н. А., Тулякова Н. А. Жанр травелога: когнитивная модель // Homo Loquens: Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков, 2013.

³ Сорочан А. Туда и обратно: Новые исследования литературы путешествий и методология гуманитарной науки // НЛЮ; №112, 2011; Эткин А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах / Александр Эткин. – М.: Новое литературное обозрение, 2001; Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790 – 1840 / Перевод с англ. Д. Соловьева – СПб.: Академический проект, 2004; Demaray G. From Pilgrimage to History / The Renaissance and Global Historicism. John. New York: AMS Press, 2006; Thompson C. Travel writing. (The new crucial idiom) – Routledge, 2011; Youngs T. The Cambridge Introduction to Travel Writing – Cambridge University Press, 2013.

⁴ См: Youngs T. The Cambridge Introduction to Travel Writing - Cambridge University Press, 2013; Thompson C. Travel writing. (The new crucial idiom) – Routledge, 2011.

истории науки и естественнонаучного знания⁵. Обращение к работам в области истории восприятия пространства-времени позволило установить связь между научной парадигмой, в которой находится автор, и стратегиями репрезентаций, используемых им. Отдельного упоминания заслуживают работы историко-географической направленности⁶, давшие возможность расширить методологический аппарат исследования, включить в круг рассматриваемых проблем пространственно-географические вопросы. Нацеленность на выявление образов времени потребовала привлечения работ из этой области, сформировавших представление об историографических трансформациях, эволюции восприятия времени и его репрезентации в текстах⁷.

Отдельной группой текстов являются исследования, посвященные мифопоэтической парадигме восприятия пространства и времени и травелогам, составленным в данном ключе⁸. Спор о роли мифа как инстру-

---

⁵ Асмус В. Ф. Проблема интуиции в философии и математике (Очерк истории: XVII — начало XX в.). — М.: Мысль, 1965; Гайденок П. П. Эволюция понятия науки: Становление и развитие первых научных программ. М.: Наука, 1980; Гайденок П. П. Эволюция понятия науки (XVII — XVIII): Формирование научных программ Нового времени. — М., 1987; Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. — М.: Изд-во Института. Гайдара, 2015; Койре А. Очерки истории философской мысли / Александр Койре. — М.: Прогресс. — 1985

⁶ Замятин Д. Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. № 3; Замятин Д. Н. Метагеографические оси Евразии.. — Полис. Политические исследования. 2010. № 4; Замятин Д. Н. В поисках удаляющихся пространств: историческая география и онтологические модели воображения // Книга картины Земли. Сборник статей в честь Ирины Геннадиевны Коноваловой — М.: «Индрик», 2014; Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значения в России XVII века — М.: Новое литературное обозрение, 2012; Коновалова И.Г. Историческая география на междисциплинарных перекрестках // Историческая География. Том 2 / Отв. ред. И.Г. Коновалова. — М.: Аквилон, 2014.

⁷ Вжосек В. Культура и историческая истина / Войцех Вжосек. — М.: Кругъ, 2012; Мегилл А. Историческая эпистемология. — М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2007; Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. — М.: «Языки русской культуры», 1997; Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX — XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. — М., 2011; Троицкий Ю. Л. Историческая компаративистика: эпистемология и дискурс // Диалог со временем. 2010. № 30; Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002; Чеканцева З. А. Время историческое / Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. ред. А.О. Чубарьян. — М., 2014

⁸ Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики — М.: Художественная литера-

мента отображения реальности рассмотрен, например, в работе Е. М. Мелетинского «Поэтика мифа», в которой он приходит к выводу, что «фантастических образах мифологии широко отражены реальные черты окружающего мира» и что «характер отражения действительности в мифах обусловлен тем, что всякая мифология представляет собой некую замкнутую символическую систему, в которой взаимозависимость обозначающих сильнее всего образом влияет на соотношение образа и денотата»⁹.

Раздел, посвященный британским травелогам XVII в., не мог быть написан без привлечения работ исследователей, фокусирующих внимание на проблемах анализа репрезентаций Нового времени¹⁰.

Отдельно следует выделить работы, посвященные анализу феномена академического путешествия, которые позволили выявить историко-культурные особенности возникновения «ученых путешествий», установить закономерности возникновения новых форм репрезентаций¹¹. Следует выделить травелоги Г. Ф. Миллера, послужившие образ-

---

тура, 1975; Кэмпбелл Д. Тысячеликий герой. – М.: АСТ, 1997; Малиновский Б. Магия, наука и религия. – М., 1998; Мелетинский Е. М. Поэтика мифа – М.: «Восточная литература» РАН, 2000; Топоров В. Н. Модель мира. Мифы народов мира: Энциклопедия. – М., 1980. Т. 2; Топоров В. Н. Первобытные представления о мире (общий взгляд). Очерки истории естественно-научных знаний в древности. – М. 1982; Цивьян Т. В. Путешествие Одиссея – движение по лабиринту // Концепт движения в языке и культуре. Сб. статей / отв. ред. Агапкина Т. А. – М.: ИНДРИК, 1996.

⁹ Мелетинский Е. М. Поэтика мифа – М.: «Восточная литература» РАН, 2000. С. 170–171.

¹⁰ Зверева В. В. Представление прошлого в трудах английских антикваров XVII в. // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. – М. 2003; Лабутина Т. Л. Воспитание и образование англичанки в XVII в. / Татьяна Лабутина. – СПб.: Алетейя, 2001; Лисович И. Скальпель разума и крылья воображения. Научные дискурсы в английской культуре раннего Нового времени – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015; Bohls E. Travel Writing 1700-1830 / Elizabeth A. Bohls. – Oxford University Press, 2005; Crane N. Great British Journeys / Nicholas Crane. – Phoenix, 2009; Demaray G. From Pilgrimage to History / The Renaissance and Global Historicism. John. New York: AMS Press, 2006; Shapiro B. A Culture of Fact. England 1550-1720 / Barbara Shapiro. – Cornell University Press, 2000; Swann M. Curiosities and Texts: The Culture of Collecting in Early Modern England / Marjorie Swann. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001

¹¹ Греков В. И. Очерки по истории русских географических исследований в 1725-1765 гг. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1960; Кузнецова Н. И. Социокультурные проблемы формирования науки в России (XVIII- сер. XIXвв.) – М.: ИИЕТ, 1998; Материалы для истории экспедиций Академии Наук в XVIII и XIX веках: Хронологические обзоры и описание архивных материалов / Сост. В.Ф. Гнучева; под общ. ред. В. Л. Комарова; редакторы Л.

цом для последующих авторов, а также тексты С. П. Крашенинникова, И. И. Лепехина, И. П. Фалька и более поздние тексты Н. М. Карамзина¹².

Отдельную группу представляют работы, рассматривающие феномен художественного травелога и особенности репрезентации образов пространства и времени в художественном тексте¹³.

Источниковая база исследования. Источники, задействованные при написании работы, также следует разделить на несколько групп. Первой группой стали британские травелоги конца XVI–XVII вв. Это тексты Р. Хаклойта и У. Кемдена¹⁴, заложившие основы британской травелографии. К этой же группе примыкают труды антикваров и хорографов, такие как «Прогулки по Кенту» Вильяма Ламбарда¹⁵ или «Обозрение Корнуолла» Ричарда Карью¹⁶, травелоги С. Файнес и Д.

С. Берг, Б. Д. Греков, Г. А. Князев (отв. ред.), Л. Б. Модзалевский – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940; Уткина Н. Ф. Естественнонаучный материализм в России XVIII века – М.: Наука, 1971.

¹² Казаков Р. Б. Приемы историописания в исторических сочинениях Н. М. Карамзина. Высшая шк. экономики Нац. исслед. ун-т, 2013; Миллер Г. Ф. Путешествия по московской провинции // Академик Г. Ф. Миллер – первый исследователь Москвы и московской провинции / подготовка текста, статья С. С. Илизарова – М.: ИИЕТ, 1996; Ромашенко Л. И. Герард Фридрих Миллер: портрет исторический и художественный // "О Камчатке и странах, которые в соседстве с нею находятся...": материалы XXVIII Крашенинниковских чтений – Петропавловск-Камчатский: Камчатская краевая научная библиотека им. С. П. Крашенинникова, 2011.

¹³ Елистратова А. Английский роман эпохи Просвещения / Анна Елистратова. – М.: Наука, 1966; Майга А. А. Литературный травелог: специфика жанра. // Филология и культура – Выпуск № 3 (37). 2014. С.254-259; Мамуркина О. В. Травелог в русской литературе XVIII – нач. XIX в.: трансформация эстетической парадигмы // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: материалы XXV международной заочной научно-практической конференции. – Новосибирск: СибАК, 2013. С. 199-205; Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий . 1790 – 1840 / Пер. с англ. Д. Соловьева – СПб.: Академический проект, 2004.

¹⁴ Hakluyt R. Voyages and Discoveries. The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation / Richard Hakluyt. – London: Penguin Books, 1985; Camden W. Britain, or, a Chorographical Description of the most flourishing Kingdomes, England, Scotland, and Ireland // A Vision of Britain through Time [Электронный ресурс] – Электрон. данные. – London: George Bishop and John Norton, 1610.

¹⁵ Lambarde W. A Preambulation of Kent, Containing The Description, Historie, and Customs of That Shire / William Lambarde. – London, 1826.

¹⁶ Carew R. The Survey of Cornwall / Richard Carew. – London, 1769.

Тайлора¹⁷. Данные тексты позволили выявить характерные особенности репрезентаций пространства-времени в британском травелогере раннего Нового времени. Однако оставался открытым вопрос о причинах возникновения и распространения жанра именно в этот период.

С целью выявления ментальных и интеллектуальных сдвигов, спровоцировавших распространение травелогографии на территории Европы задействована большая группа философских произведений Ф. Бэкона, О. Фелтхама, Р. Декарта, И. Ньютона, Г. Лейбница, И. Канта, Л. Жако¹⁸. В их трудах поднимаются вопросы, связанные с феноменом путешествия, указываются наиболее предпочтительные стратегии репрезентаций. Данные работы помогли выявить смещение в области рецепции к эмпирике и показали, что путешествие становится одним из общепринятых способов познания. Немаловажно, что данные тексты актуализируют вопросы о возможностях и границах познания, повлиявших на формирование механистической парадигмы восприятия и соответствующих стратегий репрезентации пространства-времени.

Анализ распространения репрезентационных стратегий на территории Российской империи потребовал привлечения следующей группы источников. В первую очередь это тексты, создание которых было санкционировано Академией наук. Это труды С. П. Крашенинникова, И. И. Лепехина, И. П. Фалька и Г. Ф. Миллера¹⁹, в которых не только раскрываются особенности описаний характерных для механистической парадигмы, но и происходит столкновение между позицией «ученого» и «дикаря», сравнительный анализ которых позволил выявить характерные черты мифопоэтического восприятия, встречающегося в языковых практиках XVII–XVIII в.

---

¹⁷ Fiennes C., *Through England on a Side Saddle in the Time of William and Mary* – London. The Leadenhall Press, 1888; Tylor J *Wanderings to See The Wonders of The West* / John Tylor. – Yerec, 1649.

¹⁸ Бэкон Ф. Сочинения в двух томах / Френсис Бекон; [пер. с англ. Н. Федоровой, Я. Боровского]. – М.: Мысль, 1972; Faltham O. *Resolves, Divine Moral and Political* / Owen Feltham. – London: Pickering, 1840; Декарт Р. Сочинения в двух томах / Рене Декарт; пер. с фр. И. Вдовиной. – М.: Мысль, 1989; Jaucourt Louis. *Travel* // *The Encyclopedia of Diderot & d'Alembert Collaborative Translation Project* / Translated by Nelly S. Hoyt and Thomas Cassirer, Trans. of «Voyage» *Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers*, vol. 17. Paris, 1765 – Ann Arbor: Michigan Publishing.: 2003.

¹⁹ Крашенинников С. Описание Камчатки // Полное собрание ученых путешествий в восьми томах – СПб.: 1818; Лепехин И. Записки путешествия академика Лепехина // Полное собрание ученых путешествий в восьми томах – СПб.: 1821; Фальк И. П. Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий в восьми томах. – СПб.: 1824; Миллер Г. Ф. История Сибири. – М. Л.: 1937.

Задача выявления специфики «ученых путешествий» XVIII в. сделала необходимым помещением их в более широкий контекст травелогографии и теоретических работ XVII–XVIII вв. В качестве текста, стоящего вне сферы влияния академических инструкций, но также зависящего от репрезентационной традиции, взят травелог Г. Ф. Миллера «Путешествия по московской провинции»²⁰. Как образец модели описания пространства-времени, распространенной до XVII в. использовано «Хождение игумена Даниила в святую землю»²¹. Выявлены не только различия в описательных практиках, но и черты сходства, что позволяет говорить о преемственности описательных стратегий христианских паломников и академических ученых. Травелоги Н. М. Карамзина²² и Карла Морица²³ позволили выявить характерные различия и определить границы механистической и органицистской модели восприятия.

Источником сведений о научных представлениях XVIII века в России служат энциклопедии и словари, в частности «Географический лексикон» В. Н. Татищева и «Географический лексикон Российского государства» Ф. А. Полунина (1773), а также документы и материалы, касающиеся содержания и организации российского образования XVII–XVIII веков²⁴. Сдвиги в научных программах и образовательных практиках раннего Нового времени в России зафиксированы и в российских государственных документах, в частности, в «Регламенте или уставе духовной коллегии», составленном Феофаном Прокоповичем в 1721 г. В ходе анализа упомянутых источников XVIII в. были выявлены характерные черты травелогов, составленных в когнитивно-риторическом поле механистической парадигмы восприятия, а также обнаружены трансформации, произошедшие с жанром к началу XIX в., дальнейшее изучение которых потребовало привлечения пласта текстов, относимых нами к категории органицистских травелогов.

---

²⁰ Миллер Г. Ф. Путешествия по московской провинции // Академик Г. Ф. Миллер - первый исследователь Москвы и московской провинции / подготовка текста, статья С. С. Илизарова – М.: ИИЕТ, 1996.

²¹ «Хождение» игумена Даниила / Памятники литературы Древней Руси. XII век. – М.: 1980.

²² Карамзин Н. М. Исторические воспоминания, вместе с другими замечаниями, на пути к Троице и в самом монастыре // Вестник Европы – СПб.: 1802 №XV-XVI; Записки путешествия академика Лепехина // Полное собрание ученых путешествий в восьми томах. – СПб.: 1821.

²³ Karl Moritz, Travels in England in 1782. – London: Cassell and Company, 1886.

²⁴ Детское чтение для сердца и разума. – М.: Унив. тип. у Н. Новикова, 1785-1789. Ч.2 № 14-26; История российского образования в документах и материалах (XI–XVIII вв.) / Моск. пед. гос. ун-т; сост., авт. предисл., введ. ст. и примеч.: Рыжов А. Н., Гончаров М. А. – М.: Интеллект-Центр, 2012.

Травелогами, составленными в органицистской парадигме репрезентации, являются тексты Л. Стерна «Сентиментальное путешествие», Карла Морица «Путешествие в Англию в 1782 г.», Р. М. Цебрикова «Путешествие из Петербурга в Харьков», М. Н. Загоскина «Москва и москвичи». Проанализированы особенности новой субъективности травелога, выходящей за пределы традиции описания путешествия XVII – большей части XVIII в.

Еще одной группой источников являются художественные тексты, восходящие к традиции травелогографии и содержащие немало характерных для травелога черт – Соллогуб «Тарантас», Дефо «Молль Флендерс». Установлено, что телеологическая модель путешествия героя художественного произведения всегда состоит в преодолении, что во многом роднит описание пространства-времени фикшн-травелога с мифопоэтическими описаниями, что может быть связано с отсутствием выработанной системы метафор, позволяющей адекватно репрезентировать образы пространства-времени в текст.

Взятая в совокупности источниковая база позволила не только выявить характерные особенности репрезентации образов пространства и времени в европейских травелогах XVII-XVIII вв. и теоретические основы трансформаций репрезентационных моделей, но и предложить новые инструменты для анализа и систематизации как травелогов, так и иных произведений, ориентированных на фиксацию пространственно-временных образов.

Теоретико-методологические основы исследования. Одна из основных сложностей работы состояла в отсутствии теоретико-методологических наработок в области исследования травелога. В связи с этим для выполнения поставленной цели приходилось не только подстраивать под травелог традиционные методы исторического анализа, но и привлекать приемы и методы из смежных дисциплин, а также использовать собственные теоретические наработки. Заимствование методов рецептивно-репрезентационного анализа из таких областей исторического знания как историческая лингвистика, история науки и естественнонаучного знания и историческая география или метагеография говорит о междисциплинарном характере работы.

Концепт «репрезентации» является одним из характерных для данного исследования и служит своеобразным маркером, позволяющим причислить данное исследование к области новой культурной истории. В то же время, сосредоточенность на выявлении особенностей репрезентационных моделей позволяет говорить об анализе категорий ментального восприятия, разрабатываемого исторической антропологией. Традиционным поводом для критики данного направления служит недостаточное раскрытие причин трансформаций восприятия. В работе делается попытка преодоления статичности за счет заимствования

наработок из области истории науки и естественнонаучного знания. Трансформации естественнонаучной картины мира выступают фреймом для когнитивно обусловленной рецепции пространства-времени, что позволяет, привлекая проблемно-хронологический подход, сформировать представление о динамике трансформаций и о существовании преемственности между мифопоэтической, механистической и органицистской моделями восприятия.

Так как в исследовании делается акцент на анализе восприятия категории пространства, было необходимо привлечь теоретические наработки из области исторической географии, имагинальной географии и метагеографии. Основное отличие направления от традиционной географии заключается в переходе от непосредственного анализа географических объектов на рецептивно-репрезентационный уровень. Особенность подхода заключается в дискурс-анализе высказываний, характеризующих категории пространства, то есть в выявлении устойчивых схем репрезентаций.

Задача выборки и структурирования стратегий репрезентаций не могла быть решена без привлечения метода компаративного анализа. Необходимо подчеркнуть, что для наиболее эффективного выявления точек сближения и расхождения в травелогах требовалось сформировать схему, на которую в дальнейшем накладывались различные описания. В работе предложено две схемы – когнитивно-риторическая и телеологическая, что позволяет провести анализ репрезентационных схем в травелоге с высоким уровнем упорядоченности.

Основным объектом исследования является травелог, который рассматривается с двух сторон. В первом случае, каждый текст воспринимается в качестве уникального и независимого от описательных схем источника, при этом активно используются приемы текстологического и терминологического анализа, во втором случае травелог погружается в исторический контекст, и здесь стоит сказать о следующем ряде методов и приемов. Принцип историзма позволяет провести анализ генетических связей травелогов XVII–XVIII вв. с предшествующими и последующими текстами, что дает основания для цельного представления о характере источника и применяемых в нем стратегиях репрезентации. Анализ описательных схем не может обойтись без выявления особенностей авторского мировоззрения, в связи с чем активно применяется биографический метод. Его привлечение, помимо прочего, помогает выявить условия создания текста, объяснить взгляды автора, осмыслить особенности и характерные черты авторских травелогов.

Примененные в совокупности методы позволили установить наличие скрытых рецептивно-репрезентационных моделей, воспроизводимых в европейских травелогах XVII–XVIII вв., а выявление и фикса-

ция описательных схем стала одним из ключевых результатов исследования.

Научно-практическая значимость результатов исследования.

Для решения исследовательских задач был предложен рабочий инструмент, представленный в виде схем, позволяющих выявить и систематизировать репрезентационные модели, что может послужить основой для более цельного и системного понимания рецептивно-репрезентационных и когнитивно-риторических моделей восприятия XVII–XVIII вв. и анализа травелогов в частности. Выявлена связь между моделями естественнонаучного восприятия и особенностями письма, что может послужить базой как для гуманитарных, так и для естественнонаучных работ, а также отражена картина состояния и перспектив исследования травелога. Помимо этого, в научный оборот введен ряд текстов, в том числе иноязычных, ранее в историографической практике не представленных. Таким образом, исследование может послужить методологическим подспорьем для дальнейшего изучения рецептивно-репрезентационных практик как XVII–XVIII вв., так и в более широком хронологическом диапазоне, поскольку предлагает новые теоретические подходы для данного направления.

Апробация результатов исследования. Материалы диссертационного исследования изложены в пяти научных публикациях, три из которых включены в перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК.

Результаты исследовательской работы по теме диссертации были представлены автором в докладах на научных конференциях: XXVII международная научная конференция «Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития» (РГГУ); XXI Годичная конференция Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова.

Сведения, полученные в ходе исследования, вошли в основу авторского учебного курса по истории науки, апробированного в 2016–2017 году на базе школы ГБОУ 2101, а также использованы в ходе участия в проекте «Ученые детям» и чтения лекций от музея занимательных наук «Экспериментаниум».

СТРУКТУРА И ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Работа состоит из Введения, четырех глав, Заключения, Списка источников и литературы, а также Приложений, которые содержат переводы ключевых фрагментов из источников, впервые выполненные автором диссертации.

Во Введении оговариваются основные положения, актуальность, новизна и научное значение исследования, дается характеристика ме-

тодологических основ работы, формулируются предмет и объект, а также основные цели и задачи, приводится обзор историографической и источниковой базы.

В первой главе – **«Пространственно-темпоральные характеристики травелога»** – источник подвергнут теоретическому осмыслению. Очерчены границы исследуемого объекта, его место и роль в историографической практике, приведен анализ стратегий фиксации образов пространства и времени в травелогe.

Первый параграф – *«Травелог: трудности поиска универсальной дефиниции»* посвящен обзору сложившихся историографических практик анализа травелога. Приводится история термина, от первого упоминания о нем в письме путешественника Бертонa Холмса, данногo в издании «Американский язык» Генри Льюиса Менкена²⁵ (перевод дан в приложении к диссертации) до новейших словарных толкований²⁶. Ряд исследователей в качестве ключевой особенности жанра отмечает нацеленность героя на перемещение в пространстве и достоверную фиксацию внешнего мира²⁷. В то же время многие исследователи отказываются от строгого определения, указывая на новизну понятия и размытость жанровых границ²⁸. Для более точного определения необходимо отвлечься от частной проблематики и взглянуть на всю совокупность травелогов, не делая акцента на контекстуальных особенностях возникновения отдельных текстов.

Второй параграф – *«Время и пространство как сюжетобразующие категории травелога»* – посвящен анализу рецептивно-репрезентационных практик, позволяющих осуществить в травелогe фиксацию образов пространства и времени. Особенность травелога заключена в том, что автор накладывает рецептивно воспринимаемые феномены на определенную схему, позволяющую осуществить фиксацию реальности. Выявлены основные отличия практик сакральной гео-

---

²⁵ Mencken H. L. The American Language: An Inquiry into the Development of English in the United States, 4th Edition Knopf, 1984.

²⁶ Baldick C. The Oxford Dictionary of Literary Terms. Oxford: OUP, 2008.

²⁷ Бондарева А. Литература скитаний. // Октябрь. 2012. № 7; Майга А. А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура Выпуск № 3 (37) 2014; Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Русская культура в зеркале путешествий: монография / Твер. гос. ун-т, 2013 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.gfh.ru/downloads/Books/134493002.pdf>. – (Дата обращения: 10.06.17)

²⁸ Никитина Н. А., Тулякова Н. А. Жанр травелога: когнитивная модель // Homo Loquens: Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков, 2013; Русакова О. Ф., Русаков В. М. Дискурс травелога. Сборник статей. Екатеринбург, ИМС – Издательский дом «Дискурс-Пи», 2008; Ch. Batten. Pleasurable Instruction: Form and Convention in Eighteen Century Travel Literature. Barkley and Los Angeles, 1978.

графии от репрезентационных стратегий, утвердившихся в XVII–XVIII вв., а также пути проникновения новых описательных стратегий на территорию Российской империи. Исследователи сосредотачивают внимание на двух значительных трансформациях репрезентационных моделей, первая из которых началась в XV – начале XVI в. и продолжалась вплоть до XVIII в., когда ей на смену начали приходить новые описательные практики. В исследовании три основных модели обозначены как мифопоэтическая, механистическая и органицистская. В последующих главах задачей является нахождение сущностных характеристик репрезентаций образов пространства и времени в травелогах на основе данных моделей, а также выявление черт, не соответствующих заданной схеме или требующих отдельного уточнения и дополнительного анализа.

Во второй главе – **«Пути формирования репрезентационных стратегий XVII века. Становление жанра»** – анализу подвергнуты описательные стратегии, применявшиеся до XVII в., рассмотрен феномен мифопоэтического восприятия и рецептивные практики христианских паломников. На широком источниковом материале проведен анализ феномена путешествия и британского травелога XVII века.

В первом параграфе – *«Особенности мифопоэтического описания и тексты христианских паломников»* – рассмотрены практики взаимодействия с пространством и его фиксации, распространенные до установления четких описательных схем. Тексты в дописменной форме, фиксирующие перемещение героя в пространстве, возникают еще в первобытные времена. Герой сталкивается с чуждой ему средой, априорно враждебной в силу отсутствия устойчивых метафор, обуславливающих рецепцию реального. Власть дискурса является фактором, детерминирующим описание пространства. Основная форма взаимодействия героя с пространством – его преодоление. Мифопоэтические формы репрезентации сохраняются и в XVIII в. В работе они рассмотрены на примере описаний, взятых из академических травелогов С. П. Крашенинникова. В средневековых хождениях пространство остается «чуждым», недоступным для человеческого ума, но, одновременно с этим, возникает представление о возможности его освоения. В работе на примере *«Хождения игумена Даниила»* показана система характеристик и языковых значений, позволяющая оперировать этим измерением, зафиксированы трансформации, произошедшие в рецептивно-репрезентационных практиках к началу XVII века.

Во втором параграфе – *«Британский травелог в контексте новых репрезентационных практик»* – трансформации, произошедшие в европейском травелоге XVII века, рассмотрены на примере работ британских путешественников, антиквариев и хорографов. Одним из первых текстов, воплотивших в себе механистические практики описания, становится *«Британия»* У. Кемдена. В этом труде делается акцент на изуче-

нии отдельных элементов пространства, которые должны дать представление о Британии в целом. Кемден показал, что путешествие есть один из надежных познавательных инструментов, а его репрезентации заложили основу дальнейшей травелографии. Теоретическое осмысление феномена путешествия и новых репрезентационных практик можно найти в работах философов XVII в. Почти в одно время опубликованы эссе о путешествии Ф. Бэкона²⁹ и О. Фелтхама³⁰, в которых дается обоснование эмпирического познания реальности. Путешествие и фиксация пространства становятся настолько распространенными практиками, что возникают объединения, взявшие за основу новые репрезентационные модели. Антикваризм и собирательство становятся движениями, расширившими знания о границах мира и обусловившими закрепление новых форм восприятия и фиксации образов пространства и времени. Таким образом в XVII веке на первый план выходит задача освоения непосредственно обозримого пространства и фиксация наблюдения в травелоге. В 1660 году Королевское общество опубликовало инструкцию для исследователей, призывавшую к детальному описанию увиденного и научному стилю повествования³¹. То есть к концу XVII века происходит выделение «научного» травелога, в котором представлена новая категория отношения к пространству – от освоения исследователь переходит к изучению. Однако мир по-прежнему предстает в виде цельной конструкции-механизма, статичного и, в силу своей статичности, познаваемого. В качестве примера теоретического обоснования механистических практик XVIII в. дан перевод и анализ статьи Луи Жако о путешествии³², в которой он призывает изучать останки прошлого для лучшего понимания настоящего. Обращения к явлениям и событиям прошлого в качестве верифицирующего фактора и выделение эмпирики, как основного инструмента познания характерны для травелогов, написанных в механистической парадигме. Эмпирика – основной инструмент познания, сохраняющий свои позиции на протяжении XVII–XVIII вв. Далее речь пойдет о том, как были отражены эти научные тенденции в травелогах, написанных на территории Российской империи.

---

²⁹ Бэкон Ф. Сочинения в двух томах / Френсис Бекон; пер. с англ. Н. Федоровой, Я. Боровского. – М.: Мысль, 1972.

³⁰ Faltham O. Resolves, Divine Moral and Political / Owen Feltham. – London: Pickering. 1840.

³¹ Bohls E. Travel Writing 1700–1830 / Elizabeth A. Bohls. – Oxford University Press, 2005.

³² Jaucourt Louis. Travel // The Encyclopedia of Diderot & d'Alembert Collaborative Translation Project / Translated by Nelly S. Hoyt and Thomas Cassirer., Trans. of «Voyage» Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, vol. 17. Paris, 1765 – Ann Arbor Michigan Publishing, 2003.

В третьей главе – **«Пространственно-временные и когнитивно-риторические стратегии в травелогах XVIII века»** – уделено внимание феномену «ученого путешествия». Рассматриваются описательные практики, распространившиеся в Российской империи в XVIII в. и трансформации, произошедшие с ними к концу века.

В первом параграфе – *«Репрезентация времени и пространства в русском травелогe XVIII века»* выявлены и проанализированы особенности фиксации пространства и времени в текстах академических путешественников С. Крашенинникова, И. Лепехина, И. Фалька. Отдельно рассмотрены травелоги Г. Ф. Миллера «Путешествие по московской провинции». Выявлено, что все эти тексты содержат ряд общих черт. Основным инструментом познания выступает наблюдение и математическое исчисление, позволяющее осуществить фиксацию как количественных характеристик пространства, так и схематическую детализацию отдельных его элементов. Образы времени описаны с точки зрения присутствия в настоящем – материальные останки, надписи. Предания могут быть зафиксированы в качестве примера отсталого или наивного взгляда на прошлое. Значительную роль играет выявление языковых значений объектов пространства и топонимов, а также выяснение их этимологии. Схожие рецептивно-репрезентационные практики встречались в текстах британских путешественников, антикваров и хорографов, что позволяет отнести их к одной группе травелогов, написанных в рамках механистической научной парадигмы.

Во втором параграфе – *«Описательные стратегии в травелогах последней трети XVIII в.»* – рассмотрены модели репрезентации, распространившиеся к концу века. На примере текстов Карла Морица и Н. М. Карамзина выявлен ряд характерных особенностей, позволяющих говорить о новой форме репрезентации. Распространение пейзажной живописи также является признаком смены описательной парадигмы. В параграфе предлагается схема, позволяющая структурировать травелоги по телеологическому признаку. Схема состоит из четырех позиций: преодоление, освоение, изучение и понимание. Травелог Карла Морица и Н. М. Карамзина относятся к текстам «понимания», что означает особую поэтику описаний и познание реальности через призму собственного восприятия. В следующей главе будут подробнее рассмотрены причины парадигмальной трансформации и выявлены особенности художественного травелога, занимающего особое место в силу опосредованного взаимодействия с категориями пространства.

В четвертой главе – **«Поиск новых форм или кризис жанра»** – рассмотрены трансформации, произошедшие с травелогом в начале XIX в., обозначены характерные черты новых репрезентационных

стратегий, уделено внимание художественным текстам, относящимся к группе травелогов.

В первом параграфе – «*Записки о душе. Когнитивные стратегии сентиментального травелога*» – на примере травелогов Л. Стерна³³ (1768 г.), Р. Цебрикова³⁴ (1813-1814 гг.) и М. Загоскина³⁵ (1842–1850 гг.) показана граница, возникающая между материалистическими и идеалистическими репрезентационными практиками. В рассмотренных текстах открыто заявляется, что есть нечто недоступное математическому описанию и осознаваемое только посредством души. В каждом так или иначе прослеживается особый тип репрезентации пространства и времени, когда непосредственная реальность является только фоном для чувственных образов. Душа выступает в качестве инструмента фиксации реальности и наделяется положительными коннотациями в отличие от нейтрального математического анализа или механистического описания. Человек и его чувства становятся основным предметом рефлексии, сны и фантазии – инструментами передачи знания о реальности, прошлое, заключенное в настоящем, воздействует на автора, также как погодные условия или окружающие виды, влияя на его чувства и направляя сюжетную канву повествования.

Во втором параграфе – «*Подлинность и вымысел. Пути развития художественного травелога*» – проведен анализ художественных текстов, по многим параметрам относимых к травелогам. Как пример травелога, не зависящего напрямую от государственного или академического дискурса, взят текст британской путешественницы Селии Файнес³⁶. Травелог Файнес – характерный пример женского травелога, написанного в позиции «освоения». Файнес совершает свое путешествие в 1697–1698 гг. В последней четверти XVII века совершает свои путешествия Молль Флендерс – героиня одноименного художественного произведения Д. Дефо³⁷. Сравнение показывает, что в тексте Дефо есть много характерных для травелога черт, что весьма показательно. Пол Хантер пишет, как негодовали ранние новеллисты, когда их произведения переименовывали в стиле травелога для успеха на ком-

---

³³ Стерн Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. – М.: Художественная литература. 1968.

³⁴ Цебриков Р. М. Путешествие из Петербурга в Харьков // Серия «Джерелознавчі зошити»: тетрадь 5 / сост. Автор вступ. Статті и коментаріев В. Ю. Івашенко. – Х., 2013

³⁵ Загоскин М. Н. Полное собрание сочинений М. Н. Загоскина в двух томах. – СПб.: Изд. В. И. Губинского. 1902. т. 2.

³⁶ Fiennes C., Through England on a Side Saddle in the Time of William and Mary // A Vision of Britain through Time [Электронный ресурс] – Электрон. данные. – London. The Leaden hall Press, 1888.

³⁷ Defoe D. Moll Flanders / Daniel Defoe. - Oxford University Press, 1998 (1981) P. 398.

мерческом рынке³⁸. На протяжении романа мы видим, что пространство и время воспринимаются героиней как препятствия, которые необходимо преодолеть. Можно предположить, что форма преодоления наиболее адекватно подходит для художественного текста. К тридцатым годам XIX века органицистская позиция восприятия пространства и времени через чувственные образы подверглась испытанию негативизмом. Реальность, украшенная чувственными образами, как и сам формат травелога, постепенно перестает удовлетворять критически настроенных читателей. Роман В. А. Соллогуба «Тарантас», законченный в 1840 году, явственно демонстрирует сдвиги, произошедшие к этому времени в травелографии. Избыточное количество репрезентаций пространства в Европе служит для героя аргументом в призыве описывать пространства России. Причем требуется описывать не столько физические реалии, сколько заниматься ментальным конструированием. Но тем и интересен текст Соллогуба, что в нем сталкиваются разные позиции. Герой не может предъявить внятные репрезентационные модели, в связи с чем и описание остается нулевым. Без определенных схем репрезентации невозможны. В случае же если описательные схемы отсутствуют, путешествие будет происходить в категории «преодоления» и травелог будет составлен соответствующим образом.

В **заключении** изложены основные результаты исследования, которые можно представить в виде следующих положений:

1. Ключевой особенностью травелога является его нацеленность на фиксацию внешнего, а категории пространства-времени представляют собой главные сюжетобразующие факторы текста. Повествование чаще всего идет от первого лица и сосредоточено на передвижении героя, воспринимающего пространство и репрезентирующего свое представление о нем. Ключевая характеристика травелога состоит в том, что автор накладывает пространство на определенную схему, шаблон, позволяющий осуществить определенную фиксацию реальности. Выявление этой модели служит важным шагом при анализе травелога.

2. Фиксация образов времени или темпоральных характеристик наблюдаемого связывает категории пространства и времени в единый пласт. Образы пространства выделяются за счет соотношения с сеткой, формируемой путем символического отождествления локуса с явлением или метафорой прошлого, приписываемой данной местности. Выявление и фиксация образов прошлого возможна только с учетом модели рецепции, характерной для данного текста.

---

³⁸ Bohls E. Travel Writing 1700-1830 / Elizabeth A. Bohls. - Oxford University Press, 2005, P. 23.

3. Мифопоэтическая модель восприятия характерна в первую очередь для народов, в культуре которых отсутствуют единые и общепринятые стратегии репрезентации образов пространства-времени. Герой сталкивается с чуждой средой, враждебной в силу отсутствия описательных метафор. С распространением христианства многие черты, характерные для мифопоэтического восприятия сохраняются, но в то же время возникают и новые инструменты репрезентации, такие как геометрическое измерение конкретных объектов реальности и включение образов пространства в границы времени, за счет отсылки к событиям, описанным в священных текстах. Пространство, лишённое подобных отсылок, продолжает описываться с позиции преодоления, а воображение остается основным инструментом рецепции.

4. К XVII в. в Британии утверждается идея устойчивости и стабильности мира, что в свою очередь открывает новые пути фиксации образов пространства-времени. Мир по-прежнему воспринимается в качестве божественного творения, но наделяется собственной эпистемологической автономностью. Эмпирическое восприятие становится основным инструментом познания. Начинают собираться и изучаться материальные остатки прошлого, таким образом пространство начинает описываться как результат суммы прошедших событий. Утверждается механистическая модель восприятия реальности, а основными детерминирующими факторами создания травелогов выступают освоение (если путешествие санкционировано государством) и изучение (если путешествие санкционировано академическим учреждением). В XVIII в. механистическая модель окончательно утверждается в европейской травелогографии, в том числе на территории Российской империи.

5. В травелогах конца XVIII – первой половины XIX в. заметна трансформация авторских установок, сделавшая возможным смещение акцентов с вычленения и математически точного описания внешнего на фиксацию собственных ощущений и постоянной авторской рефлексии. Пространство теряет свойство независимого объекта, становясь полем для выражения субъективного отношения автора. В качестве инструмента познания в текстах названа душа. Травелог, составленные в данном ключе, соотносимы с органицистской научной парадигмой, а основным детерминирующим фактором выступает понимание.

6. К середине XIX в. схемы механистического описания остаются только в научных кругах. Гражданский травелог, пользуясь все более индивидуальными моделями, становится сугубо персональным текстом. В случае если схемы репрезентаций отсутствуют, путешествие будет происходить в категории «преодоления», и травелог будет составлен соответствующим образом. Пространство все чаще акцентиру-

ется в форме «воспоминания», а не как непосредственно наблюдаемое и независимое от автора явление.

7. В качестве рабочего инструмента разработаны две схемы, позволяющие выявить характерные особенности репрезентации пространства-времени в тексте и структурировать базу травелогов на основании выявленных черт. В первой схеме делается акцент на когнитивно-риторических стратегиях репрезентации пространства-времени. Выделяются три основные парадигмы рецепции – мифопоэтическая, механистическая, органицистская и соответствующие им инструменты познания – воображение, эмпирика, душа. Вторая схема основана на телеологических предпосылках передвижения героя и содержит четыре стратегии – преодоление, освоение, изучение, понимание. Использование данных схем в качестве исследовательского инструмента позволило систематизировать и упорядочить полученные результаты, выявить закономерности в репрезентации образов пространства и времени у различных авторов.

Основные положения и выводы диссертации отражены в следующих публикациях.

Публикации в изданиях, входящих в Перечень российских рецензируемых научных журналов

1. Шпак Г. В. Травелог: поиск универсальной дефиниции. Четыре стратегии репрезентации пространства // Преподаватель XXI век. – М.: 2016. № 2. С. 261-277.

2. Шпак Г. В. Пространственно-временные и когнитивно-риторические стратегии травелогов Г. Ф. Миллера // Диалог со временем. – М.: ИВИ, 2017. № 58. С. 261-276.

3. Шпак Г. В. Записки о душе. Материалистический идеализм в европейском травелогe нового времени // Преподаватель XXI век. – М.: 2017. №2-2. С. 238-246.

4.

В других изданиях

1. Шпак Г. В. Научный травелог в Британии XVII в.: жанрово-видовые особенности источника // Труды XXI Годичной (2015) конференции Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова, Т. 1: Общие проблемы развития науки и техники. – М.: ЛЕНАНД, 2015. С. 376-379.

2. Шпак Г. В. Британский травелог в контексте естественнонаучной революции // Материалы XXVII международной научной конференции «Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития». – М., 2015.